

УДК 94(470)«18/19»

Т.Ю. Зима

ВКЛАД ТОМСКОЙ ПРОФЕССУРЫ В РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Оценивается вклад профессуры первых сибирских вузов в конце XIX – начале XX в., которая приезжала на службу в Томский университет, технологический и учительский институты, активно включалась в местную общественную жизнь, в частности в деятельность Томского отделения Императорского Русского Музыкального общества (ТО ИРМО), и тем самым немало способствовала формированию социокультурной среды города и новых форм бытования музыки в регионе. Ключевые слова: первый Сибирский университет, Томский технологический и учительский институты, профессора и преподаватели, музыканты-любители, Томское отделение Императорского Русского Музыкального общества.

Далёкий от российских столиц Томск удостоился чести стать городом, в котором в 1888 г. открылся университет. Он стал первым на всей зауральской территории огромной евразийской страны и девятым в ряду уже существующих в Москве (1755), Дерпте (заново открыт в 1802 г.), Вильне (возобновлен в 1803 г.), Казани (1804), Харькове (1804), Петербурге (1819), Киеве (1834) и Одессе (1862).

Сибирский университет прекрасно вписался как в томский ландшафт, так и в имевшуюся к тому времени социокультурную среду города, где регулярно выходили «Губернские ведомости» и «Сибирский вестник» (в день открытия университета, 22 июля 1888 г., была закрыта «Сибирская газета»), имелся великолепный каменный театр купца Е.И. Королёва и Общественное собрание, Бесплатная народная библиотека и книжный магазин П.И. Макушина, его же музыкальный магазин и музыкальная библиотека, Общество попечения о начальном образовании с девизом «Ни одного неграмотного!», Отделение Императорского Русского Музыкального общества (ИРМО) и мн. др.

ТО ИРМО в сезоне 1888/89 г. готовилось отмечать своё 10-летие, а для университета это был первый учебный год. Благодаря его открытию патриархальный Томск автоматически перешел в категорию перспективных в своём развитии и тем привлекательных для жизни городов, а через какое-то время еще и вырос до определения «сибирские Афины». Профессорско-преподавательский корпус университета ехал в Сибирь из европейской части Империи не только сделать карьеру, но и по мере сил послужить на благо этому краю. «Вновь прибывшие» с энтузиазмом включались в провинциальный интеллектуально-художественный социум (какие коррективы вносила в их жизнь сибирская действительность – это другой вопрос), принося реальную пользу на том или ином

поприще. Значительным оказался вклад томской профессуры, например, в музыкальную жизнь города. Своим участием в ней самые первые профессора закладывали в регионе культуртрегерские традиции, подхватываемые затем вновь и вновь прибывающими. Проанализировать, каким образом это происходило, – цель настоящей статьи.

В каком музыкальном пространстве оказывались те, кто приезжал на службу в губернский Томск? Прежде всего, каждый неизбежно погружался в море музыки, доступной «каждому сочлену той или иной социальной группы...» [1. С. 38]. Попросту говоря, был окружён *бытовой* музыкой, существующей «как обыденная речь, как язык...» (по меткому замечанию музыковеда Б. Асафьева), то есть музыкой, реально звучавшей в домах (как правило, романсы, застольные песни), на улицах, ярмарках, народных гуляниях, в театральных фойе и на танцах после спектаклей, «на воде» во время пароходных прогулок, а также исполняемой местным батальонным оркестром на военных смотрах, парадах или «по случаю», скажем, такому как торжественное открытие Императорского Томского университета.

Наряду с этим, особый слой музыкальной городской культуры составляло хоровое пение в стенах церквей, коих в Томске к тому моменту было немало (включая и татарскую мечеть в Заисточье, и польский католический костёл на Воскресенской горе, и немецкую кирху на Нижней Елани). Церковная музыка всегда завораживала прихожан. Думается, подобным образом она воздействовала и на университетских профессоров, многие из которых выросли в семьях священнослужителей. Музыка «академическая» являлась принципиально отличной сферой культуры. Именно её распространению, её активной пропаганде придавалось большое значение, особенно с учреждением в Петербурге в 1859 году Русского Музыкального общества (РМО).

Именно оно, РМО (с 1873 г. – Императорское), и его Отделения выполняли роль проводника европейской и русской музыкальной классики к более широкой слушательской аудитории. В 1879 г. Отделение Русского Музыкального общества открылось в Томске и за первые десять лет существования успело пережить разные времена. В юбилейном для Томского ИРМО году, в 1889-м, оно переживало пору настоящего подъёма. Успешная деятельность четы К.И. и Г.С. Томашинских всего лишь за два года их правления в ТО привела местное сообщество музыкантов-любителей после глубокого кризиса к расцвету. Как раз в этот период подъёма ряды его членов пополнились профессорами только что открывшегося университета.

Первым в этом ряду следует назвать профессора-медика, попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского (1834–1899), которому Томск во многом обязан статусом университетского города. Имена Василия Марковича, человека энциклопедических знаний и разносторонних интересов, и его супруги Марии Леонидовны (урожд. Фуфаевской) значатся в числе действительных членов Томского отделения ИРМО в 1888/89 году [2. С. 32]. Такая форма членства позволяла им иметь именные места в первых рядах на любом мероприятии местного Музыкального общества. Внеся обязательный членский взнос, Флоринский вряд ли пользовался этой привилегией, так как находился в городе обычно наездами, во время которых был чрезвычайно занят несчётаемыми делами. Тем не менее музыка не обошла стороной Василия Марковича, выросшего в семье священнослужителя, затем учившегося в духовной семинарии, много времени жившего за границей, наконец, слышавшего в Мраморном дворце игру на виолончели самого Великого князя Константина Николаевича, у которого одно время он состоял домашним доктором. Конечно, присутствие фамилии столь статусного человека, как Флоринский, в списке действительных членов ТО ИРМО требовалось больше самому Музыкальному обществу, нежели самому Василию Марковичу. Возможно, и по этой причине уже в следующем концертном сезоне его имени нет среди томских меломанов. Имя это, безусловно, добавило престижности Томскому ИРМО, однако, надо полагать, сам Флоринский вряд ли успел за короткий период своего членства в нём ощутимо поспособствовать его развитию.

Подобного нельзя сказать про другого профессора – первого ректора Сибирского университета Н.А. Гезехуса (1845–1918), физика, скрипача-любителя, прибывшего в Сибирь из Петербурга,

где он в свободные часы регулярно музицировал на квартетных вечерах известного мецената М.П.Беляева (1836–1903). Митрофан Петрович, альтист-любитель, играл в студенческом оркестре Петербургского университета, где и сдружился с Н. Гезехусом, гораздо близким себе по возрасту, в отличие от молодых А. Глазунова (будущего композитора) и Г. Дютша. В то время, в 1881–1882 гг., М. Беляев только формировал свой домашний квартет, его старший брат строил дом на Николаевской, 50 изначально с учётом проведения на втором его этаже «беляевских пятниц» (очень скоро ставших знаменитыми), где Николаю Александровичу Гезехусу было чрезвычайно комфортно в компании передовой художественной интеллигенции России. Поэтому он чрезвычайно тосковал по неврским берегам, очутившись на берегах Томи, где «областное культурное гнездо» находилось лишь в стадии становления профессиональных форм бытования музыки, театра, живописи. Единственной отдушиной тут ему была музыка и служение ей, о чём он подробно писал другу Беляеву в «северную Пальмиру» [3, 4]. В своих письмах он оценивает томский каменный театр на тысячу зрительских мест как «недурной», оркестр называет «плохим», а студенческий хор «хорошим», упоминает сочинения, исполняемые в концертах и симфонических собраниях ТО ИРМО, и недоумевает (как учёный-физик) над приёмами уникального звукоизвлечения пианиста Рейзенауэра (одновременно почти по-ребячески восторгаясь «рейзенауэровской педалью»). Он также отмечает высокий исполнительский уровень другого гастролёра – виолончелиста А.Ф. Вербова, воздаёт похвалу приезжему дирижёру и «королю флейты» А. Тершаку, но особо выделяет талант начинающей пианистки Я.Ф. Залесской. Она (урожд. Ивановская) – выпускница Варшавского института музыки, – приехавшая в Сибирь вместе со своим супругом, профессором-химиком С.И. Залесским (1858–1917), с первых дней здесь начала участвовать во всевозможных концертах. Оба они сразу вступили в ТО ИРМО, но, если Станислав Иосифович в силу своей чрезмерной профессиональной занятости был пассивным действительным членом отделения, то для Ядвиги Феликсовны томские сцены (Общественного собрания, Королёвского театра, Бесплатной народной библиотеки и др.) стали стартовой площадкой к европейскому успеху; здесь для неё открылись безграничные возможности для совершенствования своего пианистического мастерства, причём с явной пользой не только для себя, а и для томской публики, всё более и более проявляющей интерес к лучшим образцам музыкальной классики. На-

ряду с ТО ИРМО и в университете предпринимались попытки создания своих музыкальных коллективов: вскоре хор певчих университетской церкви возглавил профессор богословия Д.Н. Беликов (1852–1932), а студенческий оркестр в 1893-м, профессор-фармаколог П.Н. Буржинский (1858–1926), причём поднял его до такого уровня, что давал платные и благотворительные концерты!

Вплоть до 1893 года членами ТО ИРМО неустанно решался вопрос об открытии в городе профессионального музыкально-учебного заведения. Задача музыкального образования была, как правило, прописана в уставных документах любого открывающегося Отделения Императорского Русского Музыкального общества. Томское – не являлось исключением. Начав свою деятельность в 1879 году, над этой проблемой особо интенсивно билась лишь дирекция (1886–1889 гг.). В частности, один из её директоров – Г.С. Томашинский, правитель канцелярии Западно-Сибирского учебного округа [5. Л. 10] – засыпал Главную дирекцию в Петербурге всевозможными письмами, бумагами, просьбами. Помимо него (вполне уверенно можно сказать), первый «кирпич» в здание будущего профессионального музыкального образования в Сибири заложил и профессор Н. Гезехус, стремившийся создать студенческий оркестр при университете, подобно тем, что существовали в российских столицах (он знал об этом не понаслышке!). В полной мере понимая значение музыки в жизни молодого поколения, Николай Александрович щедро делился своими знаниями и умениями со студентами, давая им бесплатные уроки, для чего в 1888/89 учебном году в Дом общества первого сибирского университета Дирекция ТО ИРМО передала «в пользование г.г. студентов 4 скрипки, 3 альты, и 1 виолончель...» [2. С. 5].

В сезоне 1889/90 г. дирекцию ТО ИРМО возглавила Я.Ф. Залесская (1868–1944)*. Однако из-за всепоглощающей любви к концертным выступлениям, требующим соответственной репетиционной подготовки, определённых эмоциональных затрат, Ядвига Феликсовна не продержалась на этом посту и года, отказавшись от председательства. Её обязанности принял на себя профессор-анатом Н.М. Малиев (1841 – не ранее 1916), состоявший тогда товарищем председателя по дирекции Отделения ИРМО, в котором объективно уже наметилась тенденция к спаду активности его членов, Николай Михайлович стремился «спасти ситуацию». Надежда на возрождение интереса к развитию музыкального дела в городе не угасала, хотя бы потому, что появилась возможность об-

легчить бюрократический путь прохождения различных просьб с мест в Главной дирекции Императорского Русского Музыкального общества. Эту миссию должен был исполнять официальный уполномоченный в Петербурге. Им от ТО ИРМО согласился стать Н.А. Гезехус. В этом качестве осенью 1889 г. Николай Александрович передал поздравительный адрес основателю РМО Антону Григорьевичу Рубинштейну в связи с его 60-летием [6. С. 217]. В Томске по случаю такой даты 18 ноября 1889 г. был устроен концерт исключительно из произведений юбиляра, в котором блистала, как всегда, Ядвига Залесская.

Помимо концертной деятельности в Томском РМО было много иной текущей работы, которой занимались (при очевидном, как уже было сказано, спаде энтузиазма его членов) Г. Томашинский и Н. Малиев. Первый упорно решал задачу открытия Музыкальных классов, а второй, помимо административной нагрузки в Музыкальном обществе, пел ещё и в группе теноров любительского хора ТО ИРМО. В этом же хоре в группе басов пел будущий профессор Томского университета С.М. Тимашев (1866–1922), тогда ещё студент. Сергей Михайлович с детства рос в певческой среде, впитывая духовные распевы всякий раз, когда прибегал к отцу в Спасскую церковь г. Уфы. Музыкальной грамоте он обучился в Уфимском духовном училище, а затем очаровывался российскими басами в семинаристском хоре и, наконец, «проявил» собственный голос, оказавшись в первом наборе студентов первого сибирского университета (он окончил его с отличием, а со временем вырос в нём же до профессора [7. С. 252–253].)

Усилия Г.С. Томашинского, наконец, получили логическое завершение – в феврале 1893 г. начали функционировать Музыкальные классы Томского отделения ИРМО. Они значительно дополнили концертную афишу города. К ставшим привычными для томичей публичным концертам, симфоническим собраниям, музыкальным и литературно-музыкальным вечерам, концертным отделениям на балах-маскарадах добавились новые формы концертных выступлений – ученические музыкальные утра, публичные экзамены учащихся, закрытые и общедоступные ученические вечера.

К концу XIX в. эти концерты жанрово были вокальными, инструментальными, хоровыми, оперными, симфоническими и смешанными. Причём в программках всё чаще среди исполнителей встречались имена профессорских жён. Тут нельзя не упомянуть имя Ольги Михайловны (урожд. Брылкиной) – супруги профессора-ботаника С.И. Коржинского (1861–1900), сразу

вступившего в ТО ИРМО. Дом этой семейной пары блистательно образованных людей являл собой культурный очаг, в нём собирались самые передовые и уважаемые в городе люди; особенно семья Коржинских дружила с основателем Сибирского ботанического сада при университете Порфирием Никитичем Крыловым (1850–1931). П. Н., с ранней юности игравший на разных музыкальных инструментах, вряд ли решался демонстрировать свои умения в присутствии хозяйки дома, которая прекрасно знала музыкальную литературу со времён общения с русским композитором, участником «могучей кучки» Милием Балакиревым и учёбы на Высших женских курсах. «Концерты» в профессорских гостиных Залесских, Коржинских и др. продолжали традицию домашнего музицирования, заложенную фактически в 1885–1888 гг. в доме ссыльного писателя и великолепного знатока музыки К.М.Станюковича (1843–1903), супруга которого была «отличной пианисткой» и помогала мужу, давая частные уроки музыки, а дочь Наталья прекрасно пела (по оценке князя А.А. Кропоткина).

С открытием Томского университета вполне естественно и за кратчайший срок изменился состав слушательской аудитории на публичных музыкальных вечерах и симфонических собраниях. Появилась новая категория любителей музыкальной классики – профессура и студенчество. Дирекция ТО ИРМО, учитывая данное обстоятельство, вполне естественно озабочилась более требовательным подходом к составлению своих концертных программ и выбору авторов исполняемых произведений, к которым, кстати сказать, начали предпосылаться печатные пояснения. Это новшество для музыкального Томска (копия со столичного образца, как и многое другое) с определённым временным запозданием «настигло», наконец, и сибирскую провинцию.

В 1898 г. в Томском университете открылся второй факультет – юридический. В город приехали новые специалисты, также неравнодушные к классической музыке, а когда в 1900 г. распахнулись двери и первого в Сибири технического вуза – Технологического института, то местное ИРМО стало похоже на некий Ученый совет, поскольку профессора двух томских высших учебных заведений активно включились в ряды его действительных членов (иные вступали супружескими парами) и занимали важные посты в его дирекции. В первые годы XX в. представительство профессуры [7, 8] в местном Музыкальном обще-

стве выглядело довольно солидно: 1900/01 г. – Зубашев Е.Л. и его жена Ольга Александровна, Некрасов В.Л., Сабинин С.Г., Салищев Э.Г., Сапожников В.В., жена профессора Турбабы Д.П. – Софья Корниловна; 1901/02 г. – Зубашев Е.Л. и Зубашева О.А. (директор), Соболев М.Н. (директор) и его жена Вера Петровна, Образцов Е.С. и Образцова Надежда Ивановна (директор), Буржинский П.В., Некрасов В.Л., чета Обручевых В.А. и Е.И., Сабинин С.Г., Сапожников В.В., Уляницкий В.А.; 1902/03 г. – Соболев М.Н. (председатель) и его жена Вера Петровна, Зубашев Е. Л. и Зубашева О.А. (товарищ председателя), Сабинин С.Г. (директор), Базанов И. А. и его жена Лидия Павловна, Буржинский П. В., Грамматикати И.Н., Обручевы В.А. и Е.И., Потебня А.А., Турбаба Софья Корниловна. (профессорская жена); 1903/04 г. – Соболев М.Н. (председатель), Зубашева О.А. (товарищ председателя) и Зубашев Е.Л. (член ревизионной комиссии), Сабинин С.Г. (директор), Введенский С.А., Грамматикати И.Н., Малиновский И.А., Некрасов И.М., Некрасов В.Л., Потебня А.А., профессорская жена Турбаба С.К., кандидаты в директора – Михайловский И.В. и Обручева Е. И.; 1904/05 г. – Зубашев Е. Л. (председатель), Зубашева О.А., Введенский С.А., Грамматикати И.Н., Лебедев С.В., Малиновский И.А., Сапожников В.В., Соболев М.Н.(член Ревизионной комиссии.) и Соболева В.П. (профессорская жена); 1905/06 г. – Зубашевы Е.Л. и О.А., Малиновский И.А. и его жена Мария Александровна, Сабинин С.Е., Соболевский П.К., Грамматикати И.Н., Соболев М.Н., Некрасов В.Л., Обручева (профессорская жена).

Эта когорта замечательных людей Томска вплоть до 1917 г. пополнялась такими светлыми умами, как Введенский С.А., Новомбергский Н.Я., Прокошев П.А., Кашенко Н.Ф., Рогович Н.А., Тимашев С.М., Авроров П.П., Карташов Н.И., Розин Н.Н., Базанов И.А., Иосифов Г.М., Топорков Н.Н., Юшкевич В.А., Рыбалкин М.П., Соболевский П.К., Тихонов Т. И, Янишевский М.Э. Все перечисленные в разные годы состояли действительными членами Томского отделения Императорского Русского Музыкального общества (ТО ИРМО), каждый из них вносил свой вклад в дело музыкального строительства и просветительства*. То была поистине духовно-интеллектуальная эли-

* Несправедливо было бы не упомянуть хотя бы вскользь преподавателей учительского института (не профессоров!) и особенно одного из технологического института – Станислава Антоновича Жбиковского, беззаветно любившего музыку, многие годы состоявшего в рядах ТО ИРМО и почти в каждом его концерте знакомившего томичей с лучшими образцами русской и европейской музыкальной классики.

та далекого от столиц сибирского города. Многие из томских профессоров присутствовали 2 марта 1904 года на юбилее местного Отделения ИРМО. Тогда в помещении Музыкальных классов собралась масса гостей. Перед началом праздника профессор Д. Н. Беликов отслужил молебствие, после чего от имени университета произнёс приветственную речь профессор-хирург П.И. Тихов (1865–1917), от технологического института выступил его ректор Е.Л. Зубашев (1860–1928), а председатель дирекции ТО ИРМО профессор-юрист М.Н. Соболев (1869–194?) зачитал приветственные телеграммы от разных отделений ИРМО, от Синодального училища и от Томской мужской гимназии...

Перешагнув свой первый 25-летний рубеж, ТО ИРМО вступило в довольно сложный период внутренних противоречий. Впрочем, это было не простое время повсюду. Вся страна находилась в кризисном состоянии (Русско-японская война, революция 1905 года, волнения в рядах студенческой молодёжи). Передовая российская профессура чутко улавливала любые настроения и реагировала. Так, в Петербургской консерватории за поддержку недовольных студентов лишился поста ректора Н.А. Римский-Корсаков. Тотчас томские профессора, действительные члены ТО ИРМО, созвали экстренное собрание, на котором постановили выразить письменно композитору свою поддержку [6. С. 327], а в Главную дирекцию ИРМО отправить письмо в защиту столь уважаемого человека, несправедливо уволенного. Среди 22 подписантов под этими посланиями значились и фамилии томских профессоров – Е. Зубашева, И. Малиновского, В. Некрасова (1864–1922), В. Сапожникова (1861–1924).

Активнее участие в концертной и организационной жизни Томского отделения ИРМО принимали, как правило, и профессорские жёны. Так, например, жена профессора Е.С. Образцова – Надежда Ивановна – устроила концерт в Общественном собрании в пользу бедных студентов университета. Как сообщал «Сибирский наблюдатель», он прошёл «...весьма успешно в материальном отношении. Сбор достиг 2-х с лишним тысяч. Студенческий хор очень недурно исполнил свои №№, удачно справлялся со всеми техническими трудностями...» [9. С. 255]. Или, к примеру, супруга первого директора технологического института Ольга Александровна **Зубашева**, входившая в Дирекцию ТО ИРМО, прекрасно пела. В концерте 22 апреля 1901 г. она спела арию Азучены из вердиевского «Трубадура» с хором и оркестром (под управлением Я.Я. Карклина) и песню

Вани («Как мать убили») из глинкинской «Жизни за царя» (тоже с оркестром). Любопытно, что именно эти два оперных номера томская публика впервые услышала ещё в середине 1870-х гг. в исполнении гастролирующей артистки Императорских театров Д.М. Леоновой, любимицы М.И. Глинки. Возможно, тот, кто слышал её тогда, мог присутствовать в зале и сейчас, на апрельском концерте 1901 г., где блистала «местная звезда» Ольга Зубашева

Свой звездный час был и у супруги профессора П.К. Соболевского Ольги Мартыновны, без которой в Томске проходил редкий концерт. Она была чрезвычайно востребована и как солистка, и в дуэтах, и в оперных сценах. Особо следует отметить сезон 1907/08 г., когда О.М. пленяла всех на камерных вечерах – в память Эдварда Грига (15 декабря 1907 г.), на «моцартовском» (03 февраля 1908 г.), на «романтическом» (25 апреля 1908 г.) и посвященном произведениям новейших композиторов (03 мая 1908 г.), а в предыдущем концертном сезоне провела совместно с преподавателем Музыкальных классов ТО ИРМО Б.М. Вядро три исторических музыкальных вечера, посвященных вокальной музыке. Когда в Томском ИРМО «пошла мода» на оперу (с приходом в 1908/09 г. в местные Музыкальные классы нового директора, певца Императорских театров В.А. Цветкова), О.М. Соболевская прекрасно проявила себя и здесь.

Если профессорские жёны тяготели больше к творческому самовыражению, то их мужья немало преуспевали на поприще представительском, а также в деле просвещения масс. Они читали лекции в помощь «недостаточным студентам» или учащимся, в фонд строительства собственного здания Музыкальных классов или «на обучение» в столичных консерваториях талантливых томичей и т.п. Тут надо отдать должное ораторскому искусству профессоров А.М. Зайцева (1856–1921), Н.А. Александрова (1858–1936), И.А. Малиновского (1868–1932), И.В. Михайловского (1867–1921).

Последний читал не только публичные и специальные лекции по истории и философии права в университетских аудиториях, но и много лет (с 1913-го по 1919-й) преподавал курс истории музыки в Томском музыкальном училище. Оно «выросло» из Музыкальных классов ТО ИРМО в 1912 г. при директоре В.А. Цветкове, который пригласил Иосифа Викентьевича Михайловского, высоко оценив его энциклопедические познания и музыкантский опыт, полученный в любительских коллективах Киева и Чернигова, где он учился и

трудился до приезда в Томск. Вклад И. Михайловского в развитие музыкально-образовательной системы Томска несомненен, так как Иосиф Викентьевич занимал ту нишу в музыкальном пространстве города, которую мало кто мог тогда занять в целом на российской периферии. В силу отсутствия специалистов, как мы сейчас сказали бы – «музыковедов», выпускники столичных консерваторий легко трудоустраивались в европейской части России и не стремились в азиатскую часть страны, где еще долго чувствовалась потребность в такого рода профессионалах. Наряду с И. Михайловским подобный курс по истории и теории музыки в 1918/19, 1920/21 и 1921/22 гг. на историко-филологическом факультете университета читал профессор-фармаколог Н. А. Александров.

Приехав в Томск с семьёй в 1900 г., он – муж выпускницы Московской консерватории Анны Яковлевны Левенсон, переписывавшейся с П.И. Чайковским, С.И. Танеевым, Н.Г. Рубинштейном и др., – немало потрудился сам на музыкальной ниве. Правда, в отличие от своей супруги, которая с первых же дней пребывания в «сибирских Афинах» стала членом местного Музыкального общества и деятельно включилась в городскую концертную жизнь, Н.А. не спешил проявлять особой активности. Зато в сезоне 1908/09 г. Николай Александрович стал членом сразу двух местных музыкальных обществ – ТО ИРМО с 30-летней историей и только открывшегося «Первого сибирского хорового певческого общества», у истоков создания которого он стоял. (С 1911/12 г. он – еще и председатель Музыкального кружка при Железнодорожном собрании).

Серьезно заниматься музыкой Н. Александров начал совсем юным. В одном из писем брату, Андрею Потулову, Николай Александрович в середине 1870-х пишет: «...Ты хочешь знать, на чём я играю: видишь ли, способности у меня большие, от меня никакой инструмент не уйдёт, чтобы я чего не сыграл, но я выбрал скрипку и беру уроки на ней...» [10]. Позднее он брал уроки у Аренского в Москве, у Беллермана в Берлине, у Гуго Римана в Лейпциге. Музыка стала второй профессией Александрова, как он сам считал. Только за томский период жизни (с 1900 по 1934 г.) Н.А. опубликовал несколько сотен заметок, рецензий, обзоров, статей по разным вопросам музыкальной теории и практики. Собственного дома Александровы в Томске не имели, однако по всем адресам, где им приходилось жить, царил душевно тёплая атмосфера и постоянно звучала музыка. В этой профессорской семье дочь Ольга осваивала секреты вокального мастерства, сын Володя учил-

ся игре на виолончели, а сын Анатолий выбрал музыку своей профессией и стал композитором. В его памяти остались яркие впечатления о том, как его мать, общительная А.Я. Александрова-Левенсон, подружилась со скрипачом Я.С. Медлиным (возглавившим в 1902 г. Музыкальные классы ТО ИРМО) и они много репетировали, выступали, «сыграв все сонаты Бетховена...». Анатолий Александров вспоминает: «Мама вообще много концертировала, а папа писал в газетах к этим концертам аннотации и статьи о музыке...» [11]. Так и было: в сезоне 1902/03 г., например, «пианистка А.Я. Левенсон и скрипач Я.С. Медлин провели три исторических камерных вечера, посвященных СОНАТЕ в её главнейших представителях», а профессор Н.А. Александров по этому поводу опубликовал в трёх номерах «Сибирского вестника» (1903, №№ 20, 26, 32) статью «История сонаты по новейшим изысканиям». Через десять лет, в 1913 г., «Сибирская жизнь» (№№ 262, 263) печатает его рассуждения на тему «Творчество Бетховена...».

В этом же году первый Томский университет отмечал своё 25-летие. Это четвертьвековое торжество началось 22 октября богослужением в университетской церкви, и университетский хор под управлением П.В. Леонова впервые за Уралом полностью исполнил знаменитую «Литургию» П.И. Чайковского. На это событие не мог не отозваться Н.А. Александров [12]. Он много печатался в периодике и выступал с докладами. Один из докладов по поводу смерти А.Н. Скрябина был прочитан им в ТО ИРМО. В другой раз публичная лекция Н.А. Александрова «С.И. Танеев. Его личность и творчество» предшествовала концерту из произведений только что скончавшегося композитора. Танеевские творения исполняла А.Я. Левенсон, лично знавшая Сергея Ивановича. Анна Яковлевна часто иллюстрировала лекции мужа и не менее успешно вслед за ним выступала в периодической печати.

Будучи председателем Музыкально-певческого общества (бывшего Первого хорового певческого), Николай Александрович всюду и всячески пропагандировал идею создания Народной консерватории. Наступление 1917 года он «ознаменовал» статьёй «Музыка как общеобразовательный предмет», напечатанной в издании «Здоровье для всех» (№ 1 и 2), а в сентябре, накануне учреждения музыкально-учебного заведения «для масс», по поручению управления этого общества прочитал в Новониколаевске, Барнауле и Бийске лекцию «Значение музыки и Народной консерватории». 26 сентября в актовом зале университетской библиотеки состоялось торжественное открытие Народной консерватории, призван-

ной давать общее музыкальное образование самым широким слоям населения. Её директор, профессор Н.А. Александров, выступил на нём с речью о значении нового начинания.

К этому времени Русское музыкальное общество, потеряло титул «Императорское» и провело в мае свой последний съезд, на котором от Томска никого не было «в виду затруднительности командирования делегатов...» [13. Л. 103]. Однако за подписью уполномоченного от местной дирекции ТО РМО и художественного совета Томского музыкального училища, профессора технологического института Н.А. Кашкарова (1883–??) было представлено письменное пожелание съезду, на рассмотрение которого уже не оставалось времени. После залпа «Авроры» в стране Советов начал меняться весь жизненный уклад. Но и в этой, совсем другой истории, нашлось место томской профессуре и, конечно, музыке, как ценности непреходящей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б.В. Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. М.; Л., 1965.
2. Отчёт Томского отделения ИРМО за 1888/89 год. Томск, 1889. 32 с.
3. Государственный центральный музей музыкальной культуры (ГЦММК). Ф. 41. Д. 178–180.
4. Зима Т.Ю. Ректор Императорского Томского университета Н.А. Гезехус и музыка. (Вокруг одного письма) // Вестник Том. гос. ун-та. 2013. № 370. С. 87–92.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 4. Д. 2660.
6. Куперт Т.Ю. Музыкальное прошлое Томска (в письмах к А.Г. Рубинштейну). Томск, 2006. 788 с.
7. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 / отв. ред. С. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 286 с.
8. Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник. Т. 1 / автор и сост. А.В. Гагарин. Томск, 200. 300 с.
9. Сибирский наблюдатель. 1905. Кн. 11.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2748. Оп. 1. Д. 460.
11. Александров А.Н. Воспоминания, статьи, письма. М., 1927.
12. Сибирская жизнь. 1913. № 232.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 408. Оп. 4. Д. 1.